

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.75.47.037

**Философско-культурологическая интерпретация
теории культуры в период пандемии: феномен
насилия в сетевом обществе**

Киреев Михаил Николаевич

Доктор философских наук,
доцент кафедры философии, культурологии, искусствоведения;
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Российская Федерация, Белгород, ул. Королева, 7;
e-mail: korenevaen@yandex.ru

Игнатов Михаил Александрович

Доктор философских наук,
доцент кафедры философии, культурологии, искусствоведения,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Российская Федерация, Белгород, ул. Королева, 7;
e-mail: ignatovmikle@mail.kom

Коренева Елена Николаевна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных наук,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Российская Федерация, Белгород, ул. Королева, 7;
e-mail: korenevaen@yandex.ru

Аннотация

В статье с философской точки зрения актуализируется проблема дистанционного обучения в сложившихся условиях, вызванных эпидемией COVID-19. Авторы исходят из того, что человека полностью алгоритмизировать нельзя, он будет страдать. Алгоритм может нравиться только тому, кто не любит думать, для него печатают книги под общим названием «Как управлять». Поэтому человек и испугался своего одиночества на карантине: алгоритмы жизни перестали работать, а чтобы создать новые, надо было обратиться к сознанию. Классическое общение стало симулякром – цифровой мир уравнивал в этом обстоятельстве всех. Система образования, как одна из основных институций человеческой цивилизации, столкнулась с этим порядком вещей одной из самых первых. Авторы видят основную задачу в необходимости в будущем осознания механизмов

спасения от одиночества индивида, окружения его наблюдением как никогда прежде, защиты его насилия в сетевом обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Киреев М.Н., Игнатов М.А., Коренева Е.Н. Философско-культурологическая интерпретация теории культуры в период пандемии: феномен насилия в сетевом обществе // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 5А. С. 309-319. DOI: 10.34670/AR.2021.75.47.037

Ключевые слова

Дистанционное образование, сетевое общество, воспитание, феномен насилия, алгоритмизация общества, моральный релятивизм, самопрограммируемый труд.

Введение

Что показала пандемия коронавируса? Человек не знает, что делать с самим собой. Миллионы людей по всему миру остались предоставленными сами себе, запертыми в «пещерах» своих домов и были вынуждены коммуницировать со своим собственным сознанием. Как влияет эта ситуация на культуру общества? Классическое общение стало симулякром – цифровой мир уравнивал в этом обстоятельстве всех. И политиков, и работников офисов, и мужчин, и женщин. Все мы стали лишь картинками на экранах своих смартфонов. Мы стали растерянными и отчаянно ищем, за что ухватиться в прошлом, чтобы вновь стать «нормальными».

Система образования, как одна из основных институций человеческой цивилизации, столкнулась с этим порядком вещей одной из самых первых, и то, как она отрефлексирует саму себя, как она сможет перестроиться или, наоборот, вновь стать дисциплинирующим оплотом общества, ставит нас перед вопросом: «Останется ли наша цивилизация человеческой, сохранятся ли основы российской культурной цивилизации или мы превратимся в сообщество биологических батареек, дающих энергию кремниевым богам?»

Фильм «Матрица» – уже не фантастика, а опостылевшая реальность для большей части населения земного шара. Как отмечают авторы глобального отчета Digital 2020, уже более 4,5 млрд людей являются активными интернет-пользователями, а почти 6 млрд людей пользуются мобильными телефонами с доступом в глобальную сеть. 81% жителей Российской Федерации каждый день проводят в Сети [Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и России, www]. Жители США дают следующие цифры: «79% опрошенных американцев берут в руки смартфон сразу после пробуждения; 68% – спят с телефоном; 46% респондентов уверены, что не могут жить без гаджетов.

В рамках исследования ученые провели эксперимент: они отбирали у людей их смартфоны и смотрели, что будет. Более пяти часов не выдерживал никто. То есть люди погружены в бесконечный информационный поток, а это – форма манипуляции сознанием» [Мы стали периферийными устройствами смартфонов, www]. Коронавирус лишь стал символом завершения одной цивилизации и начала другой. В основе этой цивилизации лежит следующий порядок: «Человек либо послушен алгоритму, и тогда следует награда, либо он не исполняет судьбу, и тогда следует наказание» [Гиренок, 2020, 11]. И, как отмечалось выше, первый экзамен новой цивилизации стала держать система образования.

Основная часть

Прежде чем перейти непосредственно к образованию, предлагаем посмотреть на то, что такое алгоритмизация общества «как есть». Наглядную алгоритмизацию общества на общий суд человечества предложил Китай. Там изобрели и внедрили систему «социального капитала» или «систему социального доверия» [China's Most Advanced Big Brother Experiment Is a Bureaucratic Mess, www]. Так, в китайском местечке Жунчэнь каждый взрослый человек изначально получал в рамках так называемого «социального капитала» одну тысячу баллов, количество которых, в зависимости от выполнения существующих требований к населению, могло как вырасти, так и снизиться до минимума. Человек мог лишиться пяти баллов за каждый проступок в виде нелицеприятного отзыва о соседе или собеседнике, за нарушение требований к месту выгула собак и многое другое, каждый раз уменьшая личные баллы. Считалось, что такой процесс направлен на поддержание культуры общества. Если же человек проводил правильную, с точки зрения властей, работу с населением, его ожидали надбавки до пятидесяти баллов. Поощрению подлежали публичные, громкие высказывания в поддержку марксистской теории, иные агитационные факты. Каждому, число баллов которого выросло до тысячи двухсот, был доступен банковский кредит.

Вместе с тем в обществе складывались иная культура, специфические отношения, предполагающие слежку друг за другом, доносы на соседей, близких. В этом случае власти мало интересовались личностными качествами граждан. Негласно существовало убеждение о том, что добро может нести и недобросовестный гражданин. Исходя из этой логики, человеку не обязательно быть образованным и культурным, главное – умело себя пропагандировать в нужном для властей городе направлении.

Получается, что уже неважно, добр гражданин на самом деле или злой. Главное – делать вид, и социуму будет все равно. Такой порядок построен в отдельно взятой провинции Китая на утверждении, что и недобродетельный человек делает добро.

Если такую точку зрения перенести на формирование культуры или на воспитание в целом, то встает вопрос о возможности воспитания в условиях запрета, ограничений, строгой регламентации. Такие условия исключают процесс воспитания, делают человека рабом ситуации, запертым в ней, что вызывает переживания и страдания.

Существует несколько разновидностей страдания, первое из которых (на примере заключенных) заключается в постоянном контроле, доступности ежеминутной проверки, коллективном надзоре и т.д. В этой ситуации хочется спрятаться, забиться в уголок от назойливых контролирующих глаз.

Особым испытанием и специфической пыткой является нахождение в одиночной камере, описанное Марией Бутиной [Мария Бутина про американскую тюрьму, www], когда одиночество съедает тебя, сознание не может переключиться на что-нибудь другое, неизвестность делает состояние подавленным. В результате всего естества конкретной ситуации возникает страх и безвыходность, к тому же отсутствие умения найти выход из этой ситуации.

Для нашего современника «распространилось ощущение «меня-это-не-волнует», со всем свойственным ему холодным и тупым равнодушием. Но «меня-это-не-волнует» на деле означает «меня-это-не-волнует-потому-что-меня-это-не-касается» – вот где доминанта непредосудимости сталкивается с моральным релятивизмом» [Красноу, www].

Если анализировать ситуацию «удаленного обучения» современных молодых людей, да и школьников, можно отмечать, что их образ объединяет в себе оба вышеперечисленных типа,

т.е. является одновременно и классическим узником, и узником, находящимся в полном заточении своего цифрового помощника.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в условиях дистанционного обучения и так называемой «удаленки» в целом высокими темпами выросла компьютерная грамотность, такими же темпами выросло и отчуждение. Справедливо утверждение, что при этом растет уровень компьютерной грамотности и сетевой культуры. Однако общая культура в условиях изоляции падает без соответствующего социально-культурного общения и педагогического воздействия, т.е. от одиночества, в рабстве сетевого мира.

Мир, «где все связано», где Сети объединяют педагогов, медиков, медийщиков, интеллектуалов и даже то, ради чего все собрались: банкоматы – это сетевой мир. Сети могут быть обширными, могут быть локальными, могут быть благом, могут быть и злом.

Рассмотрим Сеть с точки зрения философии. В своих исследованиях М. Кастэльс выделил следующие ее качества «гибкость, масштабируемость и живучесть» [Кастэльс, 2016, 40]. Именно такое качество Сети, как гибкость, способствует безболезненному переходу к освоению образовательных дисциплин дистанционно. Сеть имеет возможность менять свои размеры с наименьшими потерями. Эта качество Сети называется масштабируемость. Вышеназванные качества обеспечивают живучесть Сети, которая сберегла образование в условиях новой, обусловленной временем и обстоятельствами ситуации сетевой коммуникации.

Совершенно бесспорным остается утверждение Кастэльса о благе и ценности, которые устанавливаются доминирующими институтами общества [там же, 44]. Другой известный «сетевик» Б. Латур показал, что всякий институт общества, как попытка деления на определенные группы «социологами социального», не есть клей, способный соединять что угодно; это как раз то, что соединяется воедино множеством других типов соединений: ассоциаций или специфических связей [Латур, 2020, 16].

Отсюда следует, что в настоящий момент невозможно понять и оценить общество, исключив знание связей, которые пронизывают это общество. «Отнесения себя к той или иной группе – это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей» [там же, 43].

Если с этой точки зрения рассматривать труд преподавателя, работающего дистанционно, да и собственно процесс воспитания и приобретения знаний студентами, обучающимися «удаленно», то их результативность напрямую зависит от гибкости организации этого вида деятельности. А гибкость неизменно становится возможной и необходимой в силу утверждения в современном обществе трудовых практик дистанционного формата.

Придерживаясь философского подхода, можно сделать вывод, что общество в условиях вынужденных обстоятельств и адаптации к существующим изменениям испытывает на себе фактор насилия, снижению которого как раз и способствует гибкость организации, в нашем случае – дистанционного обучения.

В ситуации, объединяющей весь мир в период пандемии в сетевое общество, в структуре современного труда можно выделить два типа.

К самопрограммируемому типу можно отнести педагогический труд и иной, связанный с наукой и творчеством.

Универсальный тип предполагает выполнение нетворческих, рутинных задач, где креативная составляющая не имеет никакого значения и без которой можно легко обойтись. В этом случае живой труд безболезненно заменяется механизированным трудом. По Кастэльсу, подавляющая масса работающих на планете людей ... все еще заняты *универсальным* трудом

[Кастэльс, 2016, 76]. Такая ситуация неизбежно ведет к девальвации человека, формированию чувства ненужности, согласительной покорной позиции, рабскому служению тому труду и тому положению, которое им отведена в сетевом обществе. Вместе с тем не стоит исключать и такого феномена, как исключение, которое может проявляться в сопротивлении сложившейся практики, выдвижении своих требований, отстаивании их.

В этом случае мы можем говорить о кадровой ценности, характерной для самопрограммируемого типа, который называют еще творческим.

По утверждению М. Кастэльса, в соответствии с бинарной логикой, самопрограммируемый труд существенно отличается от универсального труда. Вместе с тем и первый, и второй тип имеют потенциальные возможности к адаптации к меняющимся условиям, имеют способность к изменению, обусловленному внешними условиями труда и общества в целом, т.е. быть гибкими. Атрибут *гибкости* обязан своим восхождением феминизации мировой оплачиваемой рабочей силы – фундаментальной тенденцией социальной структуры в последние три десятилетия [Carpo, 2020].

Многие исследователи склонны утверждать, что в большей степени адаптировались в ситуации сетевого общества женщины, и объясняют этот факт тем, что начиная с патриархального строя у них формировалась способность к выживанию в системе труда и навыки отстаивать свою способность трудиться наравне с мужчиной. Это подтверждают и факты о том, что в большинстве стран подавляющее большинство временных или с частичной занятостью работ выполняют женщины. В том числе и в системе образования [Гриненко, www].

Сейчас отмечается значительный рост образовательного уровня женщин, гораздо более высокий, чем у мужской части населения, хотя их заработная плата в Западной Европе часто остается неизменной или изменяется незначительно. Так, в статье «Гардиан» «Women’s research plummets during lockdown-but articles from men increase» [Women’s research plummets during lockdown-but articles from men increase, www] описывается факт сокращения количества научных публикаций женщин-ученых Великобритании, которое резко снизилось из-за карантина во время пандемии COVID-19. Причиной этому послужило вновь возникший или давший себя раскрыть гендерный перекос в области домашних обязанностей. Это все отсылает к так называемой «сетевой ментальности» – стихийной кризисно-переходной ментальности, отличающейся оптимально эффективной приспособительной и защитной реакцией-протестом на кризисные катаклизмы, социальный шок-хаос и другие переходные потрясения в обществе и культуре [Игнатов, 2018].

Здесь будет правильным обратиться к определению сети, данному нам М. Кастэльсом [Кастэльс, 2016, 65]. Сеть им понимается как совокупность взаимосвязанных узлов, которые могут быть по-разному значимы – это варьируется в зависимости от количества поглощенной важной информации и более эффективной ее обработки. Сеть коммуникаций может быть как племенем, как семьей, так и корпорацией. К таким корпорациям мы относим и образовательную сеть. Также корпорацию можно представить в виде модульной сети, которую можно разбить на ряд отдельных кластеров, но при этом объединенных небольшим количеством связей [Фергюссон, 2020, 73-75]. Некоторые же сети в своем корпоративном бизнес-проявлении одновременно иерархичны и модульны – сетевые франшизы, к примеру, где одна подсистема (региональный представитель, владеющий франшизой) помещена под контроль других. К таким корпоративным сетям относится и система образования любой страны, где все акторы образования – суть подсистемы Министерства образования и просвещения.

Итак, каким же образом проявляется насилие в сетевом обществе, которое стало

доминирующим в условиях дистанционного образования? Как это влияет на общую культуру?

Считаем правильным сначала обратиться к термину «насилие» как вынужденное «принуждение» [Римский, 2019, 28]. Каким образом деформируется сложившаяся форма субъекта «узел сети»? Выделением узла за пределы сети! Американские социологи У. Пауэлл и Л. Смит-Дор в своем труде «Сети и хозяйственная жизнь» отмечали, «что доступ женщин к основным неформальным сетям компании ограничен. Женщины, имеющие те же навыки и занимающие те же позиции, что и мужчины, были исключены из неформальных связей, позволявших мужчинам заключать альянсы и заручаться поддержкой более высокого уровня. Но даже те, кто находится в невыгодном положении, могут использовать сети для того, чтобы получить возможности, недоступные на открытом рынке» [Пауэлл, Смит-Дор, www, 64].

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что насилие в ситуации дистанционного образования начинается уже тогда, когда сеть живой коммуникации и налаживания контактов исчезает из образовательного процесса, заменяется исключительно «образованием».

Теми же исследователями введены в обиход сетевого подхода в анализе два термина – «слабые связи» и «сильные связи». Под первыми, «слабыми», как бы парадоксально это не было, понимаются как раз сильные связи, характерные для более образованной части общества. «Менее образованные индивиды с большей вероятностью ограничивают свой круг общения родственниками и «сильными связями» [там же, 66]. То есть, если ограничить неформальные связи, то создается ситуация, описываемая как: «У индивидов с высоким социально-экономическим статусом больше возможностей (и на работе, и в социальном окружении) устанавливать слабые связи с теми, кто занимает влиятельные позиции. Люди с более низким социоэкономическим статусом, с более плотными социальными сетями имеют меньше таких возможностей, и, следовательно, их доступ к разного рода ресурсам более ограничен» [там же, 58]. Поговорим о ситуации насилия. Наиболее ярко данный механизм проиллюстрирован в классическом телевизионном шоу «Прослушка» (The Wire), повествующем о распутывании криминальных сетей, где есть пример «слабости близких связей» и «силы слабых дальних связей». Это шоу вполне подходит для примера, так как основано на реальном опыте работы полицейского управления города Балтимор в США, вынужденного противостоять одним из самых высоких показателей криминальной активности.

Во втором сезоне повествуется о том, как представители восточноевропейской миграции построили свою криминальную сеть на нелегальной проституции и распространении наркотиков. Если со вторым аспектом их деятельности все достаточно обыденно, то в первом случае, основанном не нелегальных иммигрантках из стран Восточной Европы, демонстрируется принцип работы тех самых сильных и слабых связей.

Если хотя бы одна девушка, прибывшая в чужую страну без знания языка, состоящая в тесной коммуникации только со своими коллегами, получала вдруг возможность обрести новые знакомства за пределами «близких связей», то и ее, и ее коллег тут же перевозили в новую местность – там, где у них не было «силы слабых связей». Здесь демонстрируется понимание восточноевропейской мафии силы слабых связей, благодаря которым и происходят все «внезапные» или сильные *изменения*. В этом наблюдается так же и одна из опасностей перевода высшего образования в исключительно дистанционную форму – учащиеся и педагоги теряют возможность выстраивания «слабых связей», оставаясь заложниками исключительно «сильных связей», что, впрочем, обеспечивает безопасность иерархии, несмотря на экономическую и социальную деградацию, не говоря уже о духовной.

Каким же образом убрать *насилие* через *изменение* в сетевом обществе, определенное как

вытеснение узла сети? Здесь важно отметить, что вытеснение узла сети в сетевом обществе подразумевает перемещение его из одной сети в другую. Если вытеснение происходит из образовательной корпорации, то есть сети, построенной вокруг определенных целей, то, соответственно, узел сети попадает в «случайную сеть», определенную физиками Альберту-Ласло Барабаш и Реке Альберт как «безмасштабная сеть», в которой также существует иерархия связующих центров, которые поддерживают единство этих сетей, но при этом нет какого-то самого главного узла, который находился бы посередине паутины [Фергюссон, 2020, 79].

Проще говоря, безмасштабная сеть – это паутина без паука, ловушка «сильных связей», переходное состояние. Здесь будет показательным пример любых организованных преступных группировок, использующих в качестве «пехоты» как раз исключенных из образовательной сети кадров или любое субкультурное движение.

Важно обратиться к опыту смоделированных атак на «безмасштабные сети» [там же, 79], проводимых Барабаш с коллегами, в ходе которых было выяснено, что объекты атак (принудительного *насилия*) способны выдержать потерю значительного числа узлов и даже одного важного центра. К примеру, смерть ряда родственников, если принять за «безмасштабную сеть» семью, в том смысле, что это есть «близкие связи». При этом целевая атака на множество центров сразу может привести к полному распаду сети. В частности, если атаковать всю систему образования дистанционной формой проведения занятий, исключающей возможность создания «слабых связей». Особенно отмечается, что «безмасштабная сеть» может легко пасть жертвой заразного вируса, убивающего узлы.

Под вирусом справедливо понимать и идеологические идеи, к примеру, радикальный феминизм, убивающий здоровое зерно феминизма как такового. Или идею «гибкого человека», не имеющего постоянного жилья, – у него есть «кокилинг»; не имеющего своего постоянного рабочего места, – у него есть «коворкинг»; не имеющего своего автомобиля, – у него есть «каршеринг». Таким образом, становится понятно, что сама сеть вытесняет узлы в рамках оказанного на нее принудительного *насилия*, производя, таким образом, *изменение* в точках соприкосновения с другими сетями.

Все нас относит к проектам переделывания человека, каким видится в том числе и дистанционное образование как замена массового. Впервые переделывать человека в новейшей истории человечества начали в СССР [Гиренок, 2020, 11]. Особенно отчетливо это видно в статье В.С. Выготского «Социалистическая переделка человека», которую вкратце можно охарактеризовать как текст о темной стороне человеческого существования, где все, следуя, по мнению Выготского, за Марксом, сущностные силы человека опредметчиваются. При этом в человеке есть и несущностные силы, которые не опредметчиваются.

В целом, по мнению Выготского, человек – это «биологический недоносок, заболевший мыслью и не нашедший для себя органического равновесия». Это свидетельствует о том, что человека полностью алгоритмизировать нельзя, он будет страдать. Тем не менее, в СССР продолжили пробовать. Особенно четко это прослеживается в наследии Московского методологического кружка, существовавшего при философском факультете МГУ, в частности в творческом наследии Г.П. Щедровицкого. Им была предложена особая модель переделки человека, которая известна как ОРУ (организация, руководство, управление) [Щедровицкий, 2019]. Но выделение человека в философском плане, задание ему некой ограничивающей его человечность бинарной оппозиции алгоритмизации, известной как основа любого программного кода 1/0, обрекается раз за разом на провал.

Причина простая. Для ее понимания надо задаться следующим вопросом: «Почему живое общение с несовершенным в своей человечности педагогом лучше любого сборника текстов, предоставляемого дистанционным образованием?» Ответ простой – робот, алгоритм или иное другое проявление цифровизации действует по логике мысли, или, если говорить в духе Канта, не переходит с уровня сознания, известного как «рассудок», к следующему, более важному, скрывающему ответ на фундаментальные вопросы бытия «разуму». Алгоритм может нравиться только тому, кто не любит думать, для них печатают книги под общим названием «Как управлять». Поэтому человек и испугался своего одиночества на карантине: алгоритмы жизни перестали работать, а чтобы создать новые, надо было обратиться к сознанию. Говорят, спасли сериалы.

Заключение

Резюмируя, отметим, что минимизация *насилия* при внедрении практик дистанционного образования возможна при смыывании границ между сетями, где точки перехода сами становятся узлами сетей за счет увеличения доли *самопрограммируемого*, или, проще говоря, творческого труда, в ситуации невозможности отказа от «слабых связей», то есть в общем физическом пространстве учебных заведений не детерминированно иерархическим распределением, как, к примеру, в ситуации с дистанционным образованием сложилось на данный момент.

Там, где гендерное, ценностное, культурное, а самое главное – деление по доступу к образовательным процессам не становятся специфическими идентичностями, неким «сопротивлением» объединению сетей за счет выработки общего «сетевое» протокола коммуникации, в рамках которого специфика каждого индивида становится основой создания узла сетей нескольких иерархий.

То есть минимизация *насилия*, вызванного проектом *изменения*, порожденного всемирной пандемией COVID-19, подразумевает равное социально-экономическое положение для всех представленных членов общества, за счет организации доступа к построению «слабых связей», путем сохранения классических форм образования, даже в рамках доминанты сетевого общества, проистекающего из дистанционного образования.

Это позволяет сделать вывод о необходимости в будущем осознания механизмов реализации одиночества индивида, окруженного наблюдением, как никогда прежде, защищая его в том числе. Следующий вывод касается неизбежности влияния специфических особенностей удаленности людей, длительной их изоляции на деформацию культуры общества.

Библиография

1. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и России. URL: <https://www.web-snap.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy>.
2. Гиренок Ф.И. Свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии? М.: Проспект, 2020. 80 с.
3. Гриненко С.В. Гендерная асимметрия в образовании // Современные научные исследования и инновации. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/41818>.
4. Игнатов М.А. Сетевая парадигма в культуре и науке. Белгород, 2018. 182 с.
5. Кастэльс М. Власть коммуникаций. М., 2016. 564 с.
6. Красноу С. Культ индивидуализма. Как все мы стали его адептами. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/kult-individualizma-kak-vse-my-stali-ego-adeptami>.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2020. 384 с.
8. Мария Бутина про американскую тюрьму // Ютуб канал Дмитрия Пучкова. URL: <https://youtu.be/E7E1KAkzQ4g>.
9. Мы стали периферийными устройствами смартфонов. Декан философского факультета МГУ об опасностях тотальной цифровизации. URL: <https://knife.media/club/total-digitalization>.

10. Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204949/ecsoc_t4_n3.pdf С. 64.
11. Римский В.П. (ред.) Философия Войны и Мира, насилия и ненасилия. М.: Академический проект, 2019.
12. Фергюссон Н. Площадь и Башня. М.: АСТ: CORPUS, 2020.
13. Щедровицкий Г.П. Организация, руководство, управление. М., 2009. 200 с. URL: https://sadykov.org/files/lib/organizaciya_schedrovickiy.pdf.
14. Carnoy M. Sustaining the New Economy Work, Family and Community in the information Age. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2000.
15. China's Most Advanced Big Brother Experiment Is a Bureaucratic Mess. URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2019-06-18/china-social-credit-rating-flaws-seen-in-suzhou-osmanthus-program_
16. Women's research plummets during lockdown-but articles from men increase // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2020/may/12/womens-research-plummets-during-lockdown-but-articles-from-men-increase_

Philosophical and cultural interpretation of the cultural theory during the pandemic: the phenomenon of violence in a networked society

Mikhail N. Kireev

Doctor of Philosophy,
Associate Professor of the Department of philosophy, culturology, art history,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
308033, 7 Koroleva st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: korenevaen@yandex.ru

Mikhail A. Ignatov

Doctor of Philosophy,
Associate Professor of the Department of philosophy, culturology, science of science,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
308033, 7 Koroleva st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: ignatovmikle@mail.com

Elena N. Koreneva

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of general theoretical
and humanitarian sciences,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
308033, 7 Koroleva st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: korenevaen@yandex.ru

Abstract

The article actualizes the problem of distance learning in the current conditions caused by the COVID-19 epidemic from a philosophical point of view. The authors proceed from the fact that a

person cannot be completely algorithmized, he will suffer. The algorithm can only be liked by those who do not like to think, they print books for them under the general title "How to manage". Therefore, a person was afraid of his loneliness in quarantine: the algorithms of life stopped working, and in order to create new ones, it was necessary to turn to consciousness. Classical communication has become a simulacrum – the digital world has equalized everyone in this circumstance. The education system, as one of the main institutions of human civilization, was one of the very first to encounter this order of things. The authors see the main task in the need in the future to realize the mechanisms of saving an individual from loneliness, surrounding him with observation as never before, protecting his violence in a network society.

For citation

Kireev M.N., Ignatov M.A., Koreneva E.N. (2021) *Filosofsko-kul'turologicheskaya interpretatsiya teorii kul'tury v period pandemii: fenomen nasiliya v setevom obshchestve* [Philosophical and cultural interpretation of the cultural theory during the pandemic: the phenomenon of violence in a networked society]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (5A), pp. 309-319. DOI: 10.34670/AR.2021.75.47.037

Keywords

Distance education, network society, upbringing, phenomenon of violence, algorithmization of society, moral relativism, self-programmed work.

References

1. Carnoy M. (2000) *Sustaining the New Economy Work, Family and Community in the information Age*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
2. China's Most Advanced Big Brother Experiment Is a Bureaucratic Mess. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-06-18/china-social-credit-rating-flaws-seen-in-suzhou-osmanthus-program> [Accessed 09/10/2021].
3. Fergusson N. (2020) *Ploshchad' i Bashnya* [Square and Tower]. Moscow: AST: CORPUS Publ.
4. Girenok F.I. (2020) *Svoboda i sud'ba. Chto my ponyali blagodarya pandemii?* [Freedom and destiny. What have we learned from the pandemic?]. Moscow: Prospekt Publ.
5. Grinenko S.V. (2018) *Gendernaya asimmetriya v obrazovanii* [Gender asymmetry in education]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovation]. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2014/12/41818> [Accessed 23/10/2021].
6. Ignatov M.A. *Setevaya paradigma v kul'ture i nauke* [Network paradigm in culture and science]. Belgorod.
7. Kastel's M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [Power of communications]. Moscow.
8. Krasnou S. *Kul't individualizma. Kak vse my stali ego adeptami* [The cult of individualism. How we all became its adherents]. Available at: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/kult-individualizma-kak-vse-my-stali-ego-adeptami> [Accessed 16/10/2021].
9. Latur B. (2020) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory]. Moscow.
10. Mariya Butina pro amerikanskuyu tyur'mu [Maria Butina about an American prison]. Yutub kanal Dmitriya Puchkova [Dmitry Puchkov's YouTube channel]. Available at: <https://youtu.be/E7E1KakzQ4g> [Accessed 11/10/2021].
11. *My stali perifiriinymi ustroystvami smartfonov. Dekan filosofskogo fakul'teta MGU ob opasnostyakh total'noi tsifrovizatsii* [We have become smartphone peripherals. Dean of the Faculty of Philosophy of Moscow State University on the dangers of total digitalization]. Available at: <https://knife.media/club/total-digitalization> [Accessed 16/10/2021].
12. Pauell U., Smit-Dor L. *Seti i khozyaistvennaya zhizn'* [Networks and economic life]. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204949/ecsoc_t4_n3.pdf C. 64 [Accessed 17/10/2021].
13. Rimskii V.P. (ed.) (2019) *Filosofiya Voyny i Mira, nasiliya i nenasiliya* [Philosophy of War and Peace, Violence and Non-Violence]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
14. Shchedrovitskii G.P. (2009) *Organizatsiya, rukovodstvo, upravlenie* [Organization, leadership, management]. Moscow. Available at: https://sadykov.org/files/lib/organizaciya_schedrovickiy.pdf [Accessed 16/10/2021].

-
15. Vsyā statistika interneta na 2020 god – tsifry i trendy v mire i Rossii [All Internet statistics for 2020 - numbers and trends in the world and in Russia]. Available at: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy> [Accessed 16/10/2021].
 16. Women's research plummets during lockdown-but articles from men increase. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/education/2020/may/12/womens-research-plummets-during-lockdown-but-articles-from-men-increase> [Accessed 12/10/2021].